Виктор С. Вахштайн

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия

Темная сторона социологии мобильности

Рецензия на книгу: Урри Дж. (2017) Офшоры, М.: Дело

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-188-194

Назвать свой объект «темным» значит наделить его особым онтологическим и эпистемическим статусом. Вы больше не тратите лучшие годы своей жизни в пыльных архивах — вы погружаетесь в «темные глубины прошлого». Вы не пересказываете журнальные статьи и конспирологические теории маловменяемых блоггеров — вы раскрываете «темные секреты власти». Метафора «тьмы» придает объекту исследования пугающее лавкрафтовское обаяние.

В социальных и гуманитарных науках есть как минимум три распространенных стратегии обращения с такой метафорикой. Первая — классическая, идущая от противостояния просвещенцев и романтиков. Это метафора «темных глубин». Исследователь должен погрузиться во что-то непонятное, иррациональное и мистическое, чтобы сделать его достоянием академической публики. Просвещенчески настроенный психоаналитик погружается в темные глубины бессознательного не из интереса к ним самим, а в поисках истоков невроза. Романтически настроенный представитель исторической школы языкознания, напротив, может быть очарован темными глубинами народной души. Но и тот, и другой связывают

Вахштайн Виктор Семенович — профессор МВШСЭН, декан философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, кандидат социологических наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com

Vakhshtayn Victor Semenovich — Dean of the Department of social sciences (RANEPA), Professor of Sociology (Russian-British Postgraduate University Moscow School of Social and Economic Sciences). E-mail: avigdor2@yahoo.com

Статья написана в рамках научно-исследовательской работы «Трансформация поведенческих стратегий населения (2012–2016): социальный капитал, доверие институтам и политические установки» (ЦСИ ИОН РАНХиГС, 2016).

Acknowledgment: The article is a part of the research project «Transformation of population behavior strategies (2012–2016): social capital, trust to institutions and political attitudes» (CSR SPP RANEPA, 2016).

«тьму» с пугающей и неподконтрольной стихией, требующей особого внимания.

Вторая стратегия — морализаторская. «Тьма» здесь — воплощение злого начала и синоним порока. Это метафора «темной стороны», которая хорошо согласуется с просвещенческой версией «глубинного» нарратива. Чтобы понять темную сторону человеческих поступков, нужно погрузиться в темные глубины подсознательных желаний. Просвещение и обличение идут рука об руку.

Наконец, третья стратегия — разоблачительная. Речь уже идет не о «темных глубинах», а о «темных секретах». Теперь тьма — синоним тени, тумана или дымовой завесы. Вместо погружения в иррациональную стихию исследователю предлагается одернуть занавес, пролить свет на темные замыслы заговорщиков.

Мы легко можем помыслить себе сочетание всех трех нарративов — глубинного, морализаторского и параноидального — в художественной литературе. Доктор Генри Джекил знает о темной стороне своей натуры, коренящейся в темных глубинах его личности, и сокрытие этого факта становится его темным секретом. Но в социологических теориях совмещение всех трех стратегий кажется музейной редкостью. Книга ланкастерского теоретика Джона Урри «Офшоры» — одно из немногих исключений.

«Офшоры» (в оригинале «Offshoring») увидели свет в 2014 году, за два года до смерти автора. Это последняя книга Урри и, как принято говорить в таких случаях, — его академическое завещание. Впрочем, собственно академическим текст назвать сложно. Скорее перед нами вдохновенный политический манифест.

«Лишенный границ мир, — пишет Урри, — создает новые границы и новые тайны. Границы создаются, регулируются и охраняются. Эта книга показывает, что мир ускоренного движения через границы одновременно является миром секретов, а временами и лжи» [с. 20]. Как выяснится далее, «ложь» и «секреты» для автора почти синонимичны, они воплощают собой две стороны — моральную и эпистемическую — современного капитализма. Своего рода эпиграфом к книге может служить приведенная Урри цитата из Уильяма Бриттена-Кэтлина: «...негативный, темный дух... сегодня витает над миром офшоров и его сетью секретных объектов и тайных практик, которые столь тесно встроены в глобальную экономику» [с. 29].

Уже с первых страниц книги автор не скупится на эпитеты: «мрачный конец» 1990-х породил множество политических течений, акцентировавших «темные стороны происходящего» [с. 18]. Именно тогда, после 11 сентрября 2001 года, стало понятно, что «...у отсутствия границ и подвижности есть своя темная сторона» [с. 19]. Заглянув вместе с автором на темную сторону глобализации, читатель обаружит там «...террористов, торговцев женщинами, нар-

кокурьеров, ...выбросы углекислого газа, разливы нефти, ...необлагаемые налогами доходы, ...финансовые риски, ураганы и проч.» [с. 19]. Кому-то может показаться странным такое неожиданное соседство ураганов, наркокурьеров и уклонения от налогов. Но для Урри очевидно: все это звенья одной цепи. (А о том, что скрывается за многозначительным «и проч.» остается только догадываться.) Тем не менее автор последователен: каждая глава книги посвящена одной из темных сторон глобальной офшоризации — финансовой, экологической, политической, энергетической «и проч.».

На первый взгляд, объект исследования Урри предельно конкретен: «Например, есть компания *Goldman Sachs Structured Products (Asia)*, зарегистрированная в налоговом убежище, Гонконге. Ее контролирует другая компания *Goldman Sachs (Asia) Finance*, зарегистрированная в другом налоговом убежище, на острове Маврикий. Этой компанией в свою очередь управляет еще одна компания в Гонконге, которой управляет контора в Нью-Йорке. Ее контролирует компания в штате Делавэр, одном из крупнейших налоговых убежищ, а компанией в Делавэре управляет там же другая компания — *GS Holdings (Delaware) L.L.C. II*. Она в свою очередь является дочерней структурой той единственной компании с именем „Голдман“, о которой знают простые люди, — *Goldman Sachs Group*. Компания занимает шикарный небоскреб в Нью-Йорке, построенный в 2010 году в районе Бэттери Сити Парк» [с. 11]. Увы, на этом конкретика заканчивается. Если читателя заинтриговало приведенное описание и он хочет больше узнать о режимах функционирования современных офшоров, ему придется искать релевантные исследования в онлайн-библиотеках. Урри интересуют не сами офшоры, а процесс имманентной офшоризации мира (отсюда оригинальное название книги). Сами же налоговые убежища — не более чем воплощенная метафора этого процесса: «Большая часть этой книги посвящена процессам взаимопроникновения офшорных и неофшорных миров. Вместе с тем, хотя мы и рассмотрим многие тайные процессы в офшорах, между ними и не офшорами нет окончательно установленной и недвижимой границы. Многие тайны еще предстоит раскрыть» [с. 47].

Урри не был бы мастером социологической риторики, если бы не смог подобрать теоретической метафоре соответствующего яркого образа: «Как-то Рейчел Карсон назвала границу моря и суши странным и восхитительным местом, потому что каждый момент времени оно выглядит по-разному. Это промежуточная область — не вполне суша и не вполне море, не национальное государство, но и не офшор. За последние двести лет пляжи превратились из отталкивающих и опасных мест в области притяжения и желаний... Многие из этих райской красоты пляжей расположены на Кариб-

ских островах. Здесь не редкость курорты, работающие по системе „все включено“: они предоставляют территорию для „офшорного“ по сути потребления» [с. 127-128]. Однако вернемся от метафор к концептам.

У книги два теоретических основания — эксплицитное и имплицитное. Сам автор называет своим вдохновителем Георга Зиммеля, а, точнее, — его работу «Тайна и тайные общества» (глава в «большой „Социологии“»): «Столетие назад Зиммель утверждал, что все социальные отношения между людьми основаны на „допущении, что они знают нечто друг о друге“. Социальная жизнь основана на обмене информацией о том, чего людям следует ожидать друг от друга и как распорядиться этой информацией» [с. 31]. Урри совершенно прав: работа Зиммеля посвящена проблематике, которую сегодня мы бы назвали информационной асимметрией в социальном взаимодействии. Это блестящее исследование «секретности как универсальной социальной формы, независимой от собственного содержания» [Simmel, 1906, p. 463]. Зиммель намечает контуры исследовательской программы, которую много позже разовьет Ирвинг Гофман. Но Урри не интересуют социальные взаимодействия и секретность как универсальный механизм их поддержания. Его интересуют экономические импликации секретности, о которых также упоминает Зиммель: «Есть три сферы тайного, которые особо тесно связаны с денежной экономикой. Во-первых, человек может разбогатеть, скрытно проведя небольшую сделку, о которой ничего не знают окружающие. Во-вторых, платежи могут быть скрыты и „защищены от публичности, что невозможно для ценностей в форме протяженных материальных объектов“. И, в-третьих, по мере роста расстояний ценность может изменяться „совершенно скрытно от взглядов наших ближайших соседей“... Кроме того, власть денег позволяет покупать молчание других и сохранять тайну» [с. 32].

Хотя Урри декларирует свое намерение «использовать подход Зиммеля» [с. 31], зиммелевской теории тайных обществ в книге посвящено ровно полторы страницы. И теория эта в пересказе Урри неожиданно обретает монструозно параноидальные формы. От исследования информационной асимметрии в социальных взаимодействиях автор делает решительный шаг в сторону разоблачения тайных обществ, которые ведут войну против всего просвещенного человечества: «В 1947 году в Швейцарии, которая уже тогда была и остается главным налоговым убежищем в мире, представитель одного ведущего банка пригласил несколько ученых на тайную встречу в Мон Пелерине недалеко от Женевы. Целью встречи было возродить либерализм в духе австрийского либерального экономиста Фридриха Хайека... Эта встреча и создание „Общества Мон Пелерин“, финансируемого швейцарскими банками, сыграли ре-

шающую роль в глобальной контратаке на преобладавшее тогда кейнсианское обоснование государственного вмешательства в экономику... Какое-то время борьба за свержение кейнсианства шла в формате этой и множества последовавших за ней тайных встреч» [с. 39-40].

В числе главных заговорщиков-неолибералов оказались Милтон Фридман, Алан Гринспен и писательница Айн Рэнд: «Тайный сговор тех, кого Стедман Джонс назвал „властелинами вселенной“ неолиберализма, позволил им победить и перестроить экономическую, политическую и общественную жизнь на протяжении оставшейся части XX века» [с. 41]. Теперь не стоит удивляться, что некоторая часть ссылок в книге — это ссылки на блоги колумнистов-конспирологов, а «использование теории Зиммеля» до боли напоминает тексты отечественных адептов «теории окна Овертона». В борьбе с темными силами и тайными обществами все средства хороши. Конспирологическое разоблачение «заговора богатых» (предельным онтологическим свидетельством его существования объявляется интервью Уоррена Баффета) составляет примерно половину книги.

Здесь я вынужден прерваться и сделать личное признание (не-

уместное, как и все личные признания в рецензиях). Я, по всей видимости, крайне пристрастен в своей оценке последней книги Урри. Ужас и отвращение, вызванные прочтением «Офшоров», связаны с тем, что Джон Урри для российских социологов моего поколения — сакральная фигура. Урри — автор эпохального манифеста «Социология по ту сторону обществ», тонкий и ироничный наблюдатель социальной жизни, невероятно эрудированный теоретик, создатель социологии мобильностей, вдохновившей Джона Ло на разработку ланкастерской версии акторно-сетевой теории. Без него интеллектуальный ландшафт британской социологии был бы иным. Что случилось между 1999-м и 2013-м, между «Социологией по ту сторону обществ» [Urry, 1999] и «Обществами по ту сторону нефти» [Urry, 2013]? Остается только гадать. Но те, кто помнят, любят и ценят «раннего» Джона Урри, будут, мягко говоря, смущены его последним творением. Впрочем, они будут вознаграждены, если дочитают до второй главы — здесь «прежний Урри» дает о себе знать.

Дело в том, что имплицитным теоретическим основанием исследования для Урри остается его собственная социология мобильностей. Не Зиммель и не параноидальная критика неолиберализма. И так же, как в более ранних своих произведениях, здесь Урри исключительно внимателен к технологической и юридической истории своего объекта.

К примеру, с чего начинается офшоризация? С изобретения грузового контейнера: «Эта нехитрая инновация в сочетании с фрагментацией крупных корпораций радикально удлинила расстояния,

на которые перемещаются готовые товары и их компоненты. В мире насчитывается порядка 5000 контейнерных судов... Контейнеры, которые не так просто погрузить и сгрузить с судов, поездов и грузовиков, практически свели на нет издержки на перевозку многих товаров, перекроили географическое соотношение экономик... Более 90% грузов в мире перевозится морем на этих контейнерных судах... В некотором смысле сегодня каждый живет в контейнеризованном мире» [с. 57-58]. Контейнерные перевозки стали своего рода «интернетом вещей» до всякого интернета — радикальная «экономия от масштаба» сделала возможной возникновение немыслимой ранее свободы перемещения товаров. Отдельный интересный сюжет — как эта социально-технологическая система обретает собственную жизнь и создает спрос на «офшорные порты» с минимальным юридическим регулированием (Урри возвращается к нему в конце книги).

Другой вопрос — как соотносятся культурные и юридические фреймы, кодирующие действия людей «за побережьем»? Урри здесь приводит сюжет с пиратскими радиостанциями: «В начале 1960-х годов ряд голландских радиостанций начал вещание в офшорах [вероятно, имеется в виду за пределами территориальных вод — В.В.], несмотря на то что в голландском законодательстве о радиовещании действовали те же ограничения, что и в Великобритании. Но в обеих странах действие закона распространялось только на территорию в пределах трех миль от береговой линии. Далее лежали международные воды, где не действовали никакие законы, кроме закона страны, под чьим флагом находятся суда» [с. 116]. Так в 1964 году вышло в эфир знаменитое «Радио Каролина».

Британское правительство пыталось мужественно сопротивляться пиратскому радиовещанию, в том числе при помощи «Акта о противозаконности морского радиовещания» (1967), но не преуспело в этом, «...поскольку такая политика противоречила исторически сложившейся в Великобритании идеологии морских свобод» [с. 117]. Именно идеология морских свобод станет одним из культурных оснований офшоризации. Морю как стихии беззакония автор посвящает отдельную главу. И в ней он становится удивительно похож на позднего Карла Шмитта. (Урри цитирует Шмитта, но, что любопытно, не «Землю и море» и не «Номос земли», а «Понятие политического».)

В тексте разбросано множество таких любопытных наблюдений и теоретических сюжетов (чего стоит, к примеру, описание индийских колл-центров, боевых дронов или лагеря Гуантанамо как примеров офшоризации), но вместо их анализа и осмысления автор предлагает читателю лишь параноидальную критику неолиберализма.

И все же «Офшоры» стоит прочитать всем, кто знаком с более ранними работами ланкастерского теоретика. Это одновременно трагическая и предельно честная книга. 1990-е годы (автор называет их то «ревущими», то «декадентскими») породили целый корпус теорий глобального мира, исчезновения пространства, элиминации границ и смерти национального государства. Социология мобильностей Урри была значимой частью этого теоретического корпуса. Однако 90-е закончились, и теории глобализации заметно потускнели. Сегодня уже сложно себе представить вменяемого магистранта, который выбрал бы курс «Теории глобализации» и еще сложнее — серьезного ученого, который стал бы такой курс читать.

Что пошло не так? Почему теории глобализации настолько промахнулись мимо цели? Урри искренне пытается ответить на этот вопрос, ему очевидно, что сегодня социологам «нужна теория современного мира, отличная от теории глобализации» [с. 29]. Но сам он такую теорию, увы, создать не успел.

Библиография/References

Simmel G. (1906) The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*, (11).

Urry J. (1999) *Sociology Beyond Societies*, London: Routledge.

Urry J. (2013) *Societies Beyond Oil: Oil Dregs and Social Futures*, London: Zed.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Вахштайн В.С. (2016) Темная сторона социологии мобильности. Рецензия на книгу: Урри Дж. (2017) Офшоры, М.: Дело. *Социология власти*, 28 (4): 188–194.

Vakhshtayn V. (2016) Dark Side of Sociology of Mobility. Review: Urry J. (2017) Ofshory [Offshoring], M.: Delo. *Sociology of power,* 28 (4): 188–194.